

СТРАХ СТАРОСТИ — СТРАХ ЖИЗНИ

Современное общество сталкивается с большим количеством девиантного поведения со стороны детей и юношей, что порождает необходимость ранней профилактики отклоняющегося поведения, основным источником которой должна стать семья. Но в силу объективных и субъективных причин не все семьи могут выполнить данную функцию. Сложность, с которой столкнулись учителя, социальные педагоги, психологи и инспектора инспекции по делам несовершеннолетних — это нежелание или неспособность родителей заниматься своими детьми, принимать активное участие в сотрудничестве с ними, видеть в своих детях не какую-то проблему, а активно участвовать в психологическом понимании поступков своего ребенка. В статье приведены примеры стандартных ситуаций, которые демонстрируют нежелание родителей быть участником жизни ребенка, которой не надо управлять. Именно поэтому сложность, с которой сегодня столкнулись психологи и иные заинтересованные профессионалы, — это нежелание или неспособность родителей заниматься своими детьми, принимать активное участие в сотрудничестве с ними, видеть в своих детях не какую-то проблему, а активно участвовать в психологическом понимании поступков своего ребенка.

М.В. Ермолаева

*доктор психологических наук, профессор,
ОАНО ВО «Московский психолого-социальный
университет», г. Москва, Россия*
mar-erm@mail.ru

А.И. Подольский

*доктор психологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия*
apodolskij@mail.ru

Ключевые слова:

девиантное поведение, признаки и примеры девиантного поведения, ранняя профилактика девиации, особенности семей, имеющих детей с девиантным поведением.

В течение двух-трех последних лет одному из авторов этой публикации приходилось вести продолжительные беседы о жизненном предназначении современного ученого, достигшего определенного возраста, со своими очень именитыми коллегами из ведущих стран Западной Европы. Ключевым эмоциональным посылом этих в общем-то дружеских бесед была плохо скрываемая... зависть моих европейских друзей ко мне — все они — лауреаты, экс-президенты и прочая, прочая, прочая — довольно бесцеремонно были отправлены в отставку, а я работаю! Как грустно было видеть происходящее буквально на моих глазах — месяц за месяцем — старение людей, еще совсем недавно бывших предметом для уважения, а порой и обожания своих молодых коллег.

Если провести несложный анализ многочисленных отечественных, прежде всего публицистических материалов, касающихся вопроса возраста выхода на пенсию, то может сложиться впечатление, что речь идет о каком-то обобщенном человеке который, как правило, не хочет увеличения пенсионного возраста и вопиет «Отпустите меня на пенсию!», и все разговоры в этих материалах касаются чего угодно, но только не особенностей этого человека. Так правильно ли это? Не повторяется ли — в скрытом виде — наша старая и, с нашей точки зрения, недобрая традиция говорить о человеке вообще? Неужели человек, подходя к границе пенсионного возраста, перестает быть неповторимой индивидуальностью, теряет право на собственную позицию, на выбор? Не допускаем ли мы очень серьезную ошибку, совершенно не принимая во внимание при попытках решить действительно чрезвычайно важный вопрос о «пенсионном возрасте» психологических особенностей человека — его самовосприятия, понимания (или, напротив, непонимания) происходящих с ним изменений, его жизненной позиции? Авторами проведено множество исследований, выявивших целую палитру подобных особенностей — от полной пассивности, когда человек «сдается» и фактически прекращает активную жизнь, как только ему исполняется 55 или 60 лет, хотя еще имеет значительные ресурсы, до замечательных образцов душевной молодости, поразитель-

ной активности людей, которым далеко за 80. Так что, будем стричь всех под одну гребенку? Давайте попробуем разобраться, какие важные психологические механизмы здесь затрагиваются.

Старость неизменно попадает в орбиту исследований психологии развития в контексте описания целостного жизненного пути личности (от рождения до старости включительно). Любое издание по психологии развития содержит представления о старости. Однако анализ этих представлений вызывает недоумение: об одном ли возрасте пишут авторы? Очень уж существенно различаются их представления о задачах, содержании и возможностях развития в старости. С одной стороны, в качестве важнейшей задачи этого возраста отмечают принятие старения, открывающее возможности экзистенциального обзора бытия (не активной адаптации в социокультурной реальности, а нахождение своего места в мироздании, принятие чувства завершенности жизни, факта усталости от нее и выхода из сферы должествования) [5]. В данном подходе, который поддерживают некоторые авторы, реальная социальная жизнь оказывается в стороне от пожилых людей, а старость рассматривается как период подведения итогов [6, 8]. Многие точки зрения связывают старость с отходом от активной жизни и продуктивной в социальном плане деятельности, с углублением в себя, в свой духовный мир, в свой уже пройденный жизненный путь.

С другой стороны, существуют представления о старости, утверждающие возможность использования потенциала пожилых людей в обществе, значение продолжения трудовой деятельности для поддержания социальной и интеллектуальной активности в преклонном возрасте, необходимость непрерывного образования на протяжении жизненного пути [2-4]. Создается

впечатление, что под термином «старость» авторы имеют в виду разные периоды жизни. Более того, те психологи, которые пишут о старости как о периоде «сокращения оборотов», рассматривают ее как бы со стороны, как «чужую» проблему, дистанцируются от нее. В результате старость предстает как приговор, как окончательный итог не вполне удачного сценария жизни, альтернативы которому нет. А так ли это?

Для ответа на этот вопрос необходимо обозначить границы старости. В разных областях науки для этого используют разные критерии. Так, в соответствии с классификацией Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения пожилой возраст длится с 55 (у женщин) и с 61 (у мужчин) до 74 лет, старость с 75 до 90 лет, а люди старше 90 лет считаются долгожителями. Однако ориентация на хронологию является психологически некорректной из-за огромных индивидуальных различий в проявлении признаков старения. Один из основоположников отечественной геронтологии, И.В. Давыдовский, категорически заявлял, что никаких календарных дат наступления старости не существует, поэтому чаще о старости говорят, руководствуясь возрастом выхода на пенсию. В настоящее время этот критерий также нельзя считать достаточно убедительным, поскольку у многих людей выход на пенсию является основанием для смены рода деятельности — события, важного не только для поддержания интеллектуального и личностного потенциала, но и для их развития [4]. К определению нижней границы старости можно подойти с позиции теории И.В. Давыдовского, рассматривающего старость как нарушение адаптации, ограничение жизненных отправлений, возрастание уязвимости и снижение ментального функционирования. Однако и этот критерий не является достаточно надеж-

ным, поскольку на протяжении всей жизни (согласно субъектному и всевозрастному подходам) психическое развитие характеризуется как многомерное, многоформенное и разнонаправленное, в поздних периодах одновременно со спадом психических возможностей происходит и их обогащение, а успешность развития человека зависит от того, насколько он сам выступает субъектом, создателем условий своей жизни [1, 2, 6]. Таким образом, попытки дать четкое определение старости и даже обозначить ее границы не являются успешными, поскольку процесс старения у каждого свой. По словам Л.И. Анцыферовой, особенности жизненного опыта человека влияют на процесс его психологического старения, поэтому старость следует рассматривать только в контексте всего жизненного пути [2]. Иначе говоря, «общей», «одинаковой» для всех старости, как заключительного этапа жизни, нет.

В последнее время тема старости стала активно обсуждаться в СМИ в самом неожиданном ракурсе: заключительный период в жизни человека вызывает страх. Люди боятся немощности, нищеты, одиночества и даже общественного пренебрежения. Пришло время разобраться в психологической природе этих страхов.

Человек боится всего, что ему не подвластно, что он не может контролировать. Но так ли уж неподконтрольна старость? Старость начинается с выхода на пенсию по возрасту. Это граница начала возраста может быть только условной и ее цифровое значение невозможно из-за огромных индивидуальных различий в проявлении признаков старения. Сам факт выхода на пенсию человек планирует, и если он продолжает работать в весьма преклонном возрасте (скажем, около 80 лет), то психологически это зрелость.

Продолжение трудовой деятельности чрезвычайно важно для поддержания социальной и интеллектуальной бодрости. Кроме труда с его ответственностью, другой альтернативы унылому угасанию на пенсии нет. Никакой интересный досуг не решит эту проблему, поскольку досуг на то и досуг, что он отдых от работы и необязателен. Примеры мы видим повсюду и поспешно отводим от них глаза. Вот деятельный шестидесятилетний мужчина неожиданно вышел на пенсию — через год он уже старик. Этому

есть убедительное научное объяснение. Дело в том, что биологическое, социальное и психологическое старение наступают в разные сроки. Биологическое старение — это возрастание уязвимости организма, угасание сил и здоровья. Социальное старение — это изменение социального статуса, потеря социальных ролей в связи с выходом на пенсию. Психологическое старение — это отношение к собственному возрасту (смирение со старением) и соответственно изменение интеллектуальной активности. При этом ведущим является именно психологический фактор. Иначе говоря, парадокс старения заключается в том, что «умирание» духовной активности наступает раньше физического одряхления.

Можно с уверенностью сказать, что труд необходим всегда, жизнь должна быть трудной в любом возрасте. Выбирая путь трудовой занятости, человек выбирает зрелость (а не старость), заботы о своем здоровье (а не о болезнях), привлекательную внешность и готов нести ответственность за свой выбор. С точки зрения гуманистической психологии развитие взрослого человека — исследование возможностей, предоставление каждой ситуации, и постоянное осуществление свободного и ответственного выбора, который отражает его истинные ценности. Если такого выбора нет, то и развития не может быть, причем ни в каком возрасте. А «заслуженный отдых» на пенсии — это как раз отсутствие выбора, ответственности, свободы, развития.

Однако не во всех видах деятельности человек преклонного возраста может продолжать свою активность в полном объеме, поскольку не все виды интеллекта одинаково сохранены с возрастом. Психологи США выяснили, что с годами совершенствуется так называемый вербальный (словесный) интеллект, который включает осведомленность, опыт общения, умение устанавливать отношения, анализировать гуманитарные проблемы, принимать решения. Именно этот вид интеллекта требуется при работе в системе «человек — человек», поэтому педагоги, общественные работники, психологи, организаторы и многие другие специалисты остаются в профессии до «глубоких седин». Другое дело профессии, требующие скорости и результативности запоминания, оперирования пространствен-

ными образами, ориентации в пространстве, восприятия новых связей и отношений, способности к пространственному мышлению — тут бесконечно трудиться невозможно. Нужно уступить место молодым коллегам и ...помочь им достичь высот в своем деле. Дело в том, что передача опыта — это наиболее продуктивный путь профессиональной деятельности для людей преклонного возраста. И примеров этому достаточно. Так, труд инженера-конструктора или инженера-технолога затруднителен для человека, которому более 70 лет, в то же время большое количество профессоров ведущих технических вузов активно преподают именно в этом и более старшем возрасте. Может, следует еще в активные годы рассмотреть для себя на будущее возможные варианты смены видов деятельности в своей профессии, возможную переориентацию в ней на общение с людьми, наставничество, передачу опыта?

Так, например, Е. О. Патон мировую известность приобрел, когда в 60 лет вместо ухода на пенсию решил приобрести новую специальность и занялся электросваркой, создав методы проектирования сварных конструкций. Известная летчица Марион Харт получила пилотское удостоверение в 66 лет, а в 80 лет она пересекла в одиночном беспосадочном 15-часовом полете Атлантический океан. Писатель А. Гессен, автор книг «Во глубине сибирских руд», «Все волновало нежный ум» и др., первую свою книгу написал на 84-м году жизни. В чем тут секрет? Эти люди относились к своим новым занятиям как к труду, со всей страстью и ответственностью. Поэтому оптимальное старение, отмеченное поиском значимого нового дела, старением, является только по названию. А на самом деле это нарастающая зрелость, которая является нравственным долгом человека перед самим собой. Так стоит ли бояться старости, если она не ваша?

Траектории развития, определяемые способом жизни, столь различны, что понятие «старость» в одном случае означает «претерпевание» страданий тотальной зависимости от условий существования и собственного ухудшающегося состояния, а в другом случае продолжение поступательного развития личности, продуктивность и духовность жизни, реализуемой в поступках. Во втором случае, когда осознана необходимость постоянного творения и креативной трансформации как себя, так и условий своей жизни, можно ли говорить о старости как закономерном итоге существования? Человек на протяжении жизненного пути создает пространство собственной жизни, свой уникальный жизненный мир, становится хозяином своей судьбы, способным противостоять давлению неблагоприятных социальных и культурных сил, учится защищать свой мир и свою личность, поскольку эти завоевания не даются даром.

Стоит ли период активного самосовершенствования человека, определяемого способностью совершать поступки, называть старостью? Дело не в самом названии, а в определении внутренней позиции человека в отношении этого достаточно продолжительного периода жизни. Старость в обыденном понимании ассоциируется с пассивностью, «духовным неплодием», инвалидизацией как субъекта познания и деятельности. Можно согласиться с В. Яковлевым по поводу того, что финал жизни современного человека сдвинулся от 60 к 80 годам. Это означает, что на траектории жизненного пути появился совершенно новый период, которого раньше не было [9]. Когда предыдущие жизненные установки выполнены, перед человеком открываются новые возможности саморазвития, самореализации в иных сферах, которые прежде не рассматривались и даже не допускались до сознания.

Добавлю к этому, что активная внутренняя позиция, готовность к переменам и изменению, к преодолению себя не возникает в одночасье. Для того чтобы в старости насладиться свободой (в том числе и от страха перед возрастными изменениями, который наносит больше вреда, чем реальные изменения), нужно на более ранних этапах в поворотные, кризисные моменты жизни создавать свои поступки, а не повторять их (А. Маслоу), творить свой уникальный жизненный мир (Л.И. Анцыферова), защищать, реализовывать в поступках, в межличностных отношениях свои ценности, свою духовность. Это близко к тому, что А. Маслоу называл самоактуализацией. Напомним, что, по его мнению, только 1% людей достигают этого уровня личностного развития.

Анализ закономерностей изменений жизненного пути в кризисные моменты показал, что, выбрав для себя активный способ жизни и претерпев на этом пути все отпущенные ему трудности, разочарования и возрождения, человек получает шанс поступательного развития на протяжении всей жизни, а вместе с ним глубокую удовлетворенность своей жизнью. Это переживание определяется убежденностью человека в том, что его путь — это реализация авторского жизненного замысла, который стал осмысленным и поэтому удачным выбором из возможных жизненных альтернатив, плодом его последовательных усилий. Не следует считать, что необдуманный, неверный выбор в юности перечеркивает возможность последующего поступательного развития: любой возрастной кризис (если он рефлексивно и тяжело переживается) имеет шанс завершиться вступлением на путь осмысленного бытия. Диапазон индивидуальных возможностей принципиально неопределим [10], а само развитие не ограничивается какими-либо определенными периодами бытия человека, оно осуществляется на протяжении всей жизни [2, 3].

Завершается этот возрастной период жизни (его часто называют «поздней зрелостью») моментом, когда биологические возможности иссякают и этот процесс влияет на способность человека к активному действию — поступку. Можно ли назвать этот период «одряхлением», полной инвалидизацией? Да, если пожилой человек сосредоточивает-

ся в процессе борьбы за жизнь на своих витальных потребностях, на ощущениях «тела и в теле». Но, вероятно, выбор пути осмысленного существования определяет возможность и на самом позднем этапе выхода «за пределы себя» (за пределы центрации на себе, на боли, немощности, близости смерти) к другому человеку, к ценностям творчества, переживания, отношения (В. Франкл[7]), к транзитивному смыслу. Поэтому в полной мере было бы справедливо назвать этот последний жизненный этап «возрастом откровения Ино-бытия» [6].

Таким образом, выявление психологического своеобразия людей в поздние годы требует изучения развития человека на протяжении всей жизни. Представляется необоснованным использовать само понятие «старость» (ассоциируемое с потерей трудоспособности, пассивностью и последующей инвалидизацией) в отношении к позднему периоду плодотворной жизни тех людей, которые сознательно создавали свой жизненный мир в соответствии со своими замыслами. Напротив, выбрав для себя активный способ жизни, человек последовательно проходит период зенита зрелости, поздней зрелости и период «откровения Ино-бытия». Старости в традиционном понимании нет места на этой траектории жизненного пути, нет места и страху старости, а нарастающая зрелость становится нравственным долгом человека перед самим собой. Однако поступательное развитие жизни дается ценой огромных усилий «переступания через себя», отказа от кажущихся заманчивыми возможностей (не аутентичных, но соответствующих жизненному замыслу).

Проблема самоорганизации, «авторства» собственной жизни является не столько теоретической, сколько практико-ориентированной, поскольку затрагивает возможность миновать старость как возраст жизни, исключить многие его проблемы. Однако у человека, размышляющего о поворотах и переломных точках жизненной траектории, может возникнуть обоснованный вопрос о внутренних критериях поступательного развития. На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. По словам Серена Кьеркегора, понять жизнь можно лишь в ее конце, но прожить ее приходится сначала. Только на заклю-

чительном этапе жизни, подводя ее итоги, один человек примет свой жизненный путь как единственно должный и не нуждающийся в замене, как авторский, подлинно «свой», а другой сочтет себя обманутым жизнью. В этом, вероятно, и проявляется различие итогов жизни как окончания унылого угасания (старости) или осмысленного завершения всех начатых дел, плодотворной реализации жизненной цели и передачи эстафеты развития будущим поколениям.

Мы совершенно не хотим, чтобы этот материал рассматривался в качестве безусловной поддержки тезиса о необходимости повышения пенсионного возраста в нашей стране. Речь идет не об этом, а том, что человек может и должен иметь право оставаться хозяином своей жизни на всем ее протяжении. Функция же государства должна заключаться в том, чтобы оказать всевозможную поддержку людям совершить правильный выбор, не сдаваться, а, напротив, открывать новые возможности использования своих, безусловно, имеющихся ресурсов при вхождении в «пенсионный возраст». Многое уже делается — это и «университеты третьего возраста», и интереснейшие инициативы ряда гуманитарных фондов по поддержке диалога старшего и молодого поколения (кстати, больше половины опрошенных ребят в возрасте от 14 до 19 лет из разных регионов России указали, что они находят гораздо большее взаимопонимание с представителями старшего поколения, нежели со своими отцами и матерями), и многие другие инициативы. Разумеется, не нужно ждать, что этот вопрос может решиться без участия самого человека. И здесь главный вопрос в том, готов ли этот человек принять ответственность за свою судьбу или же предпочтет безвольно сдаться?

Список литературы

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб. 2010.
2. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2006.
3. *Ермолаева М.В.* Практическая психология старости. М., 2002.
4. *Ермолаева М.В.* Психолого-педагогическое сопровождение пожилого человека. М., 2011.
5. *Сапогова Е.Е.* Экзистенциально-психологический анализ старости // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 75-81.
6. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. М., 2000.
7. *Франкл В.* Страдания от бессмысленной жизни. Новосибирск, 2011.
8. *Хухлаева О.В.* Психология развития: молодость, зрелость, старость. М., 2005.
9. *Яковлев В.* Возраст счастья. М., 2014.
10. *Baltes P.B.* Theoretical propositions of life-span developmental psychology: On the dynamics between growth and decline // *Developmental Psychology*. 1987. No. 23. P. 611-625.

FEAR OF OLD AGE — FEAR OF LIFE

Marina V. Ermolaeva

Moscow psycho-social university,
Moscow, Russian Federation
mar-erm@mail.ru

Andrey I. Podolskiy

Federal State Budget Educational
Institution of Higher Education
M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
apodolskij@mail.ru

Abstract

Modern society is faced with a large number of deviant behavioral acts among children and adolescents, which leads to the necessity of early prevention of deviant behavior, and the main source of this should be the family.

However, due to different objective and subjective reasons not all families can perform this function successfully. The difficulty faced by teachers, social teachers, psychologists and inspectors from the Inspectorate for Minors' Affairs is the unwillingness or inability of parents to care for their children, to take an active part in cooperation with them, to accept their children, to see any problems they may have, or actively participate in a psychological understanding of the actions of their child. The article gives examples of ordinary situations that demonstrate the unwillingness of parents to be a part of child's life, of which they don't need to in control. That is why the challenge today faced by psychologists and other involved professional is the unwillingness or inability of parents to care for their children, to take an active part in cooperation with them, to accept their children, to see any problems they may have, or actively participate in a psychological understanding of the actions of their child.

Keywords: deviant behavior and its features, examples of deviant behavior, early prevention of deviance, peculiarities among families of deviant children.

References

1. Ananiev B.G. Man as an object of knowledge. St. Petersburg, 2010. (In Russ.)
2. Antsyferova L.I. Personality development and problems gerontopsychology. Moscow, 2006. (In Russ.)
3. Ermolaeva M.V. Practical psychology of old age. Moscow, 2002. (In Russ.)
4. Ermolaeva M.V. Psycho-pedagogical support of an elderly person. Moscow, 2011. (In Russ.)
5. Sapogova E.E. Existential-Psychological Analysis of old age. *Kulturno-istoricheskaya psichologiya*. 2011. No. 3. Pp. 75-81. (In Russ.)
6. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Psychology of human development. Moscow, 2000. (In Russ.)
7. Frankl V. The suffering of a meaningless life. *Novosibirsk*, 2011. (In Russ.)
8. Khukhlaeva O.V. *Developmental Psychology: youth, maturity, old age*. Moscow, 2005. (In Russ.)
9. Yakovlev V. *Age happiness*. Moscow, 2014. (In Russ.)
10. Baltes P.B. Theoretical propositions of life-span developmental psychology: On the dynamics between growth and decline // *Developmental Psychology*. 1987. No. 23. Pp. 611-625.

